

до н. э.» (№ 55); Позенер, Боттеро и Кеннон «Сирия и Палестина в 2160—1780 гг. до н. э.» (№ 29); У. Ф. Олбрайт «Амариские документы о Палестине, Сирии, филистимлянах и финикийцах» (№ 51); Дж. Р. Каппер «Северная Сирия и Месопотамия» (№ 14); А. Гетце «Борьба Египта и хеттов за господство в Сирии в 1400—1300 гг. до н. э.» (№ 37); О. Эйфельдт «Палестина в эпоху XIX династии Египта. „Исход“ и „скитания“» (№ 31; он же «Израильское царство» (№ 32).

Пока только семь выпусков посвящено Вавилону и Ассирии: Х. Леви «Ассирия в 2160—1816 гг. до н. э.» (№ 53); Ч. Дж. Гедд «Вавилония в 2180—1800 гг. до н. э.» (№ 28); он же «Хаммураби и конец его династии» (№ 35); он же «Ассирия и Вавилон в 1370—1300 гг. до н. э.» (№ 42); Марг. Мунн-Ренкин «Военная мощь Ассирии 1300—1200 гг. до н. э.» (№ 49); Д. Дж. Уайзмен «Ассирия и Вавилония в 1200—1000 гг. до н. э.» (№ 41); Ч. Дж. Гедд «Города Вавилонии» (№ 9).

Четыре выпуска, касающиеся Элама и Ирана, содержат следующие главы: Р. Лабá «Элам 1600—1200 гг. до н. э.» (№ 16); он же «Элам и Западный Иран» (№ 23); В. Хинц «Иран в 2400—1800 гг. до н. э.» (№ 19); он же «Иран в 1850—1550 гг. до н. э.» (№ 21). По истории Ирана в I тыс. до н. э. пока ничего не вышло.

Вполне естественно, что история Анатолии с древнейших времен (т. е. неолита) освещена много подробнее, чем в первом издании. Уже вышедшие до сих пор выпуски дают широкую историческую картину, основанную на огромных раскопках последних десятилетий, произведенных главным образом английскими, турецкими и американскими археологами, и на детальном изучении хеттских документальных архивов. Содержание опубликованных семи глав в шести выпусках следующее: Дж. Меллаарт «Анастоллия до 4000 г. до н. э.» (№ 20); он же «Анастоллия в 4000—2300 гг. до н. э.» (№ 8); он же «Анастоллия в 2300—1750 гг. до н. э.» (№ 20); Х. Леви «Анастоллия в древнеассирийскую эпоху» (№ 40); Дж. Б. Гёрни «Анастоллия в 1750—1600 гг. до н. э.» (№ 11); он же «Анастоллия в 1600—1380 гг. до н. э.» (№ 44); Р. Д. Барнетт «Фригийские племена и Анастоллия в эпоху железа» (№ 56).

Наибольшее число выпусков (тринадцать) посвящено доисторической Эгейде и ранней истории Греции (микенской цивилизации): С. С. Вайнберг «Каменный век в Эгейде» (№ 36); К. Блеген «Троя» (№ 1); Дж. Л. Каски «Греция, Крит и острова Эгейского моря в раннеэладскую эпоху» (№ 24); он же «Греция и остров Эгейского моря в среднеэладскую эпоху» (№ 45); Ф. Матц «Зрелость и зенит минойско-микенской культуры» (№ 12); Френк Стаббингс «Развитие минойско-микенской культуры» (№ 18); он же

«Экспансия минойско-микенской цивилизации» (№ 26); он же «Упадок минойско-микенской цивилизации» (№ 39); В. Р. Десборо [и Н. Дж. Хаммон «Конец минойско-микенской цивилизации и темные века» (№ 13); Дж. М. Кук «Греческие поселения в восточной Эгейде и Малой Азии» (№ 7); Дж. Чадвик «Предыстория греческого языка» (№ 15); Э. Ч. Гатри «Религия и мифология греков» (№ 2—касается только минойско-микенских корней Гомера и Гесиода); Дж. С. Кёрк «Гомеровские поэмы как исторический источник» (№ 22). Сюда же следует присоединить еще две главы (сверх тринадцати): Х. У. Кетлинг «Кипр в эпоху неолита и бронзы» (№ 43) и Гл. Э. Дениэль и Дж. Б. Эванс «Западное Средиземноморье» (№ 57).

Как по отношению к истории Анатолии, так и здесь, по отношению к истории Эгейды (включая Троя, заново перекопанную Блегеном в конце 30-х и в 40-х гг.) и древнейшей истории Греции, выпуски второго издания «Кембриджской древней истории» дают совершенно новую картину, которую в 20-х гг. нельзя было даже вообразить. Такова, например, новая картина долгого и сложного развития греческого неолита, данная С. С. Вайнбергом (№ 36),— картина, хотя и спорная и в некоторых отношениях заслуживающая критики (ср. у нас более глубокие работы В. С. Титова), но иллюстрированная всем богатством новейшего материала, из которого мы 10—15 лет назад знали по существу только фессалийский неолит (Сескло и Димани) и ничтожный материал по другим местам Греции (Орхомен и др.). Об остальном мы не имели никакого представления, и даже сама доистория Предаллии (только по двум названным культурам без ближайшего исторического контекста) представляли себе очень неточно. Наши знания об общественно-экономическом строе ахейской (микенской) Греции II тыс. до н. э. были основаны только на археологическом материале. Сейчас он не только невероятно вырос (ср. новейший обзор позднеэладских памятников в чрезвычайно скрупулезной книге Пера Олина 1962 г.), но к этому материалу присоединились данные содержания табличек линейного письма В, расшифрованных англичанином Вентрисом в 1953 г. и с тех пор ставших предметом особой научной дисциплины, «микенологии» (ср. результаты четырех международных симпозиумов и специальные журналы «Минос» и «Кадмос»).

Необходимо выделить три главы, написанные Френком Стаббингсом (№ 18, 26 и 39) и трактующие о развитии (rise), экспансии и упадке (recession) минойско-микенской культуры и ее общественно-экономического базиса. Они дают единую и весьма убедительную концепцию (несколько расходящуюся с более традиционной главой Ф. Матца — № 12) и используют всю сумму новейших фактических данных, по-

зволюющих отказаться от все еще популярных у нас (ср. книгу Т. В. Блаватской «Ахейская Греция», М., 1966) представлений о внезапном «крушении» микенской цивилизации якобы «в период расцвета» и только от «внешнего толчка». Концепция Стаббингса была уже подготовлена фундаментальными работами Десборо, Эмили Вермэйль, Кёрка, П. Олина и др., появившимися с начала 60-х гг.

То же следует сказать и о двух главах Дж. Л. Каски (№ 24 и 45), освещающих соотношение раннеэлладской и среднеэлладской эпох в континентальной Греции, что, в свою очередь, непосредственно связано с проблемой, по которой последние годы ведутся острейшие, если не

сказать ожесточенные дискуссии, — проблемой хронологии появления первых греческих («протогреческих») племен на юге Балканского полуострова. Каски в общем остается на позициях, ставших традиционными с середины 20-х гг. (работы Уэйса и многих других), и не склоняется к «революционному» пересмотру взглядов (Хампль, Хойбек, Палмер, Хаксли и др.), но обобщает весь новейший археологический материал (особенно новейших раскопок в Лерне), что облегчает разработку этой проблемы, которая, однако, не может быть разрешена на одном только археологическом материале.

Б. В. Горнунг

HEINRICH KUCH, ΦΙΛΟΛΟΓΟΣ. Untersuchung eines Wortes von seinem ersten Auftreten in der Tradition bis zur ersten überlieferten lexikalischen Festlegung, B., 1965.

В предисловии автор прежде всего говорит о пользе и заманчивости задачи — изучить название науки, которому приписываются разные значения и которое в течение ряда веков было предметом внимания ученых.

Генрих Кух ознакомился с большим количеством работ своих предшественников — авторов историй классической филологии, историй античной литературы, введенных в классическую филологию (носящих разнообразное названия), соответствующих словарей и т. п. Книга Нухельмана¹, как указывает Кух, встретила неодинаковый прием в ученой критике: ее и приветствовали и порицали за ряд недостатков. Кух считает бесспорной заслугой Нухельмана то, что он собрал и сопоставил огромный материал начиная со времен Платона и кончая VI в. н. э. Рассмотрение вопроса по столетиям, при всем его внешнем удобстве, имеет тот недостаток, что создает искусственные грани, вносящие в рассуждение неоправданные разрывы; тому же способствует и раздельное рассмотрение в пределах каждого столетия, с одной стороны, имен *φιλόλογος*, *φιλολογία*, с другой, — глагола *φιλολογεῖν*. Сделанная Нухельманом в особой главе попытка сгладить этот недостаток удалась лишь частично.

¹ G. R. F. M. Nuchelman, Studien über *φιλόλογος*, *φιλολογία* und *φιλολογεῖν*. Diss. (Nijmegen), Zwolle, 1950.

Выделяет Кух еще две работы — небольшую статью К. М. Аббота в Реальной энциклопедии Паули-Виссова² и несколько более обширную, старую, основополагающую, дважды напечатанную статью К. Лерса³.

В своей книге Кух поставил себе хронологическим пределом 200 год н. э.; за эту границу он, по собственному признанию, переходит лишь в тех случаях, когда то требуется реальным подходом к делу. Замысел нашего автора: дать новую интерпретацию имеющимся свидетельствам с постоянной оглядкой на результаты предшествующих работ. В ряде случаев у него действительно получаются новые толкования, в других, где он принимает прежние толкования, ему удается уловить не замеченные до него оттенки.

Кух выставляет одно методическое требование: при интерпретации держать в поле зрения не только ближайший контекст, но и более отдаленные связи (*der weitere Zusammenhang*). Все имеющиеся данные автор хочет также подавать на большом историческом и семасиологическом фоне, причем хронологический момент должен играть подчиненную роль.

² K. M. Abbott, RE s. v. *φιλόλογος*, Bd. XIX, 1938, стб. 2510—2514.

³ K. Lehmann, De vocabulis *φιλόλογος*, *γραμματικός*, *κριτικός*. Programm, Königsberg, 1838, 1—5 = Herodiani Scripta tria emendatiora, Königsberg, 1848, *Analecta grammatica* I, стр. 379—387.

лог» и придал ему все те разнообразные оттенки, какие мы у него находим.

Слова «филолог», «филология» и дальше употребляются авторами, в первую очередь — связанными с Афинами. Кух называет Исократ и его соперника Алкидаманта, из которых первый употребляет слово «филология» в смысле «интерес к риторике», а второй — слово «филология» в значении «друзья философских рассуждений». Интересен фрагмент Алексида Фуррийского, сохранившийся Афинеем (Athen., *Dipnos*. II, 39): ...ετηρὶν Ἀλεξίς καὶ ἔτι οἶνος... φιλολόγους πίνοντας ποιεῖ τοὺς πλείονα πίνοντας αὐτὸν⁵. Буквальный перевод этого отрывка: «Алексида говорит, что вино... делает всех, кто пьет его в большом количестве, филологами». Принимая во внимание семантическое развитие слова «филолог» и контекст, который говорит о культурной атмосфере застольных бесед, мы должны под «филологами» понимать людей, с удовольствием ведущих беседы на научные темы.

Любопытен приведенный Кухом текст с изложением мнения Зенона Китийского (Stobaeus, *Floril.* III, 36, 26), показывающий активную роль фактора *φιλο-* еще в первой трети III в. до н. э. ... Ζήνων τῶν μαθητῶν ἐφασκεν τοὺς μὲν φιλόλογους εἶναι, τοὺς δὲ λογοφίλους. Перестановка частой слова ясно доказывает, что связь этих частей была слаба. Кух подвергает разбору высказывание Зенона. Ссылаясь на одно место у Стобея, где есть выражение τὸν τῆς ἀρετῆς λόγον «разум добродетели», т. е. «разум (λόγος), подтверждаемый делами», Кух приходит к заключению, что в приведенном выше тексте филологи, любители такого разума в стоическом смысле, противопоставляются логофилам, т. е. тем, чья любовь к слову доходит до поверхностной болтовни.

Из свидетельств, имеющих отношение к Афинам, афинской культуре, остается еще одно — изречение Эпикюра (Gnomologium Vaticanum 74): ἐν φιλολογίῳ συζητήσει πλείον ἤνυσεν ὁ ἡπταθηεῖς, καθ' ὃ προσέμαθεν. Выражение ἐν φιλολογίῳ συζητήσει интересно не только тем, что *φιλόλογος* — бесспорно прилагательное (это подготовлено платоновским ἀνὴρ φιλόλογος — в «Федре» 236), но и тем, что это слово поставлено рядом с *συζητήσις* — «совместные поиски», «совместное исследование». В такой беседе побежденный достигает большего, если принять во внимание, чему новому он научился. Следовательно, дело идет о беседе, в которой можно чему-то научиться и в которой принимают активное участие две стороны, иными словами — об ученом научном споре. Именно

такое понимание слов комплекса «филолог» является характерным для последующего периода истории греческой культуры. Когда внутри философии обособляется область науки, то для обозначения этой области и употребляются слова «филология» и связанные с ней этимологически, получающие значение — «наука» «научный» и т. д.

Во второй главе (стр. 28—54) рассматривается значение комплекса «филолог» в эпоху эллинизма вне Афин (до эпохи Римской империи). Автор проследивает две линии. Во-первых, слова комплекса «филолог» связываются с философией, так что «филология» имеет значение «любвь к философским изысканиям, к философским диспутам» (поэт Сопатр из Пафоса — Athen., IV, 160 A; Антигон из Кариста — III в. до н. э. — Athen., XII, 548 A). Во-вторых, слово «филология» получает смысл «наука» и «образование». Доказательством служит, прежде всего, свидетельство Светония (De grammaticis et rhetoribus 10,4) о Луции Атее Филологе: Philologi adpellationem adsumpsisse videtur, quia sic ut Eratosthenes, qui primus hoc cognomen sibi vindicavit, multiplici variaque doctrina censebatur. Итак, Эратостфен, отличавшийся обширной и разносторонней ученостью, первый стал называть себя филологом. И александрийский ученый III — начала II в. до н. э., и римский грамматик I в. до н. э. сами присвоили себе название филолога, имея при этом в виду свою осведомленность в науках. Эратостфен, как известно, работал и в области истории литературы и в области математики, и в области математической географии, и в области хронологии, и притом был еще философом и поэтом. Вполне естественно, что филологами стали звать и других александрийских ученых, членов Мусея. Среди свидетельств об этом особенной ясностью отличается показание Ашиана (Emphyliia, IV, 11) о времяпрепровождении Антония у Клеопатры в Александрии в 41 г. — ἐξοδοί τε ἦσαν αὐτῷ ἐς ἱερά ἢ γυμνασία ἢ φιλολόγων διατριβὰς μόναι καὶ διατα μεθ' Ἑλληνῶν ὑπὸ Κλεοπάτρα — «выходил он только в храмы или в гимнасии, или на диспуты (беседы) ученых, и пребывал он с эллинами, руководимый Клеопатрой». В то же время слово «филолог» употреблялось и в другом, более широком смысле — «любитель науки», «покровитель наук». Птолемей II Филадельф (III в. до н. э.) именуется у Иоанна Цецы⁶ *φιλολόγοτατος*, т. е. «величайший друг образованности и наук». Источники, правда, также поздние, называют в этом смысле «филологами» Птолемея III (вторая половина III в. до

⁵ Th. Kosk, *Comicorum Atticorum fragmenta* II, Lipsiae, 1884, стр. 400, fr. 284=J. M. Edmonds, *The fragments of Attic comedy* II, Leiden, 1959, стр. 512, fr. 284.

⁶ Prooemium de comoedia P b 1,20 — G. Keibel, *Comicorum Graecorum Fragmenta* 1,1, Berolini, 1899, стр. 19.

н. э.) и Птолемея VIII (вторая половина II в. до н. э.). Кух вспоминает при этом, что последний был учеником знаменитого филолога Аристарха и даже предложил одну конъектуру к тексту Одиссея (см. Müller — Graura, RE, s. v. Μουσεῖον, XVI, 1933, стб. 814 сл.⁷). Однако он не думает, чтобы этому обстоятельству Птолемей VIII обязан своим прозвищем филолога. Скорее всего его так назвали из-за интереса к наукам и его литературных притязаний, проявившимся в разнообразной тематике написанных им «Записок» — Ὑπομνήματα. Кух показывает далее, что уловленные им значения слова «филолог» констатируются не только для царства Лагидов, но и в Пергаме, Македонии, Сирии.

В конце главы автор приводит тексты, в которых зафиксированы общие и специальные, узкие значения слова «филолог». В приенских надписях (Die Inschriften von Priene N 113, v. 28 sq — после 85 г. до н. э.) есть упоминание об установлении состязания — τῶν τε ἐκ φιλόλο[ο]γίας μαθημάτων καὶ γυμναστικῆς ἐνεργείας. Противопоставляются физические упражнения и показ результатов умственных занятий. «Филология» берется здесь, конечно, в самом общем смысле «науки». Паросская надпись (IG, XII, 9, № 235, стбк. 9 слл. — также I в. до н. э.) говорит о том, что афебов и мальчиков обучал Ὀμηρικὸς φιλόλογος. Слово «филолог» имело широкий смысл, а потому здесь оно получило спецификацию при помощи прилагательного «гомеровский». Очевидно, ученый специалист по интерпретации Гомера (или приглашенный для толкования Гомера). У Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э. — I в. н. э.) констатируются оба значения слова «филолог» — образованный человек и ученый.

В третьей главе (стр. 54—79) изучаются значения комплекса «филолог» в латинской традиции до конца II в. н. э. Мы не будем подробно излагать содержание этой и следующих глав. Ограничимся передачей сути дела и отдельных иллюстрирующих ее примеров.

У латинских авторов, начиная с Энния и кончая писателями II в. н. э., наблюдается влияние греческой традиции, которая обусловила значение слов комплекса «филолог» в латинском языке. Действительно, у римлян интересующие нас словеса не имели значений, выходящих за пре-

делы того, что нам известно по греческим источникам. С особой подробностью останавливается Кух на материале, доставляемом письмами Цицерона (стр. 60—72). Для того чтобы дать точное истолкование тех мест из переписки Цицерона, где последний говорит о филологических занятиях, Кух во всеоружии исторических и филологических знаний разбирает обстановку, в какой писалось соответствующее письмо, и привлекает к обсуждению те произведения Цицерона, которые им в данный момент создавались. Стоит остановиться еще на интерпретации некоторых мест Сенеки. Оставляя в стороне те случаи, где слова комплекса «филолог» употреблены в самом широком значении ученого, науки вообще, выделим одно место из переписки Сенеки (Epist. 108, 23, 30—34), где выясняется различие между philologus, grammaticus, philosophus. Видно, что первые два расцениваются у Сенеки и стоиков вообще ниже третьего. Филолог и грамматик сближаются между собой в том смысле, что они оба заняты наукой. Различие между ними в том, что грамматик занимается только вопросами языка, тогда как перед филологом открывается более широкое поле научной работы — не только язык, но и история, генеалогия. Однако заслуживает внимания то, что филолог постоянно занят единичными вопросами, деталями — он комментирует; при этом его интересы перекрещиваются с интересами грамматика. В сатирическом произведении «Открытие» (5, 4) philologi homines (к которым принадлежит и император Клавдий) подвергаются осмеянию. Из прочих латинских авторов, затронутых Кухом, наибольший интерес представляет Петроний, в романе которого слово «филология» вложено в уста персонажу комического порядка, невежественному, но стремящемуся блеснуть образованностью вольноотпущеннику Тримальхиону — oportet etiam inter cenandum philologiam posse (39). Ближайший контекст как будто подсказывает здесь для слова «филология» значение «литература», так как перед тем цитируется место из «Энеиды» Вергилия — sic notus Ulixes (II, 44). Однако в дальнейшем Тримальхион рассуждает об астрологических вопросах, космосе, так что естественнее всего придавать слову «филология» (в понимании Тримальхиона) значение «образованность», как бы ни были смешны претензии на образованность со стороны говорящего.

В четвертой главе (стр. 77—122) автор возвращается к греческому материалу, но относящемуся уже к эпохе Римской империи. Половину главы занимают материалы из Плутарха. Слово φιλόλογος и производные от него встречаются в сочинениях Плутарха 53 раза, φιλολογία — 4 раза, φιλολογεῖν — 7 раз. В результате своего рассмотрения Кух приходит к вы-

⁷ Место Одиссея (X, 72) имеет в рукописях следующий вид: ἀμφὶ δὲ λειμῶνες μάλαχοι τοῦ ἡδὲ σελίνου θήλειον. Птолемей VIII, по свидетельству Евстафия (ad loc.), потребовал поправки к тексту Гомера — σίου вместо τοῦ на том основании, что фиалка (σίον) не растет вместе с сельдереем (σέλινον), тогда как поручейник (σίον) любит расти вместе с сельдереем.

воду, что смысл этих слов у Плутарха лежит вообще в уже известных нам по литературным памятникам прежних веков областях. Кое-где, впрочем, открываются некоторые новые аспекты, однако преобладает употребление слов в значении либо «наука», либо «образованность». Имеются иногда оттенки, заставляющие думать о философии или о риторике. Мы не будем следовать за ходом доказательств Куха, так как по существу методика его исследования остается той же, какой она была в предыдущих главах. Остановимся лишь на некоторых отдельных местах. В биографии Катона Старшего (22, 2) Плутарх рассказывает, что в 155 г. до н. э. в Рим прибыла афинская делегация, в которую входили три философа: Карнеад из Академии, стоик Дниоген, перипатетик Критолой. Часть римской молодежи с увлечением слушала их лекции. Этих молодых людей Плутарх называет *οἱ φιλολογοῦντατοι τῶν νεανίσκων*, т. е. «юноши, имевшие наибольшую склонность к слушанию философских рассуждений». Одно место из так называемых *Moralia* (*Quaest. convivales* 9, 1, 1, 736 D) свидетельствует о том, что для Плутарха и его современников слово *φιλόλογος* означало не только представителей гуманитарных знаний: под таким названием фигурируют как учителя грамматики и ретирики, так и учителя музыки, и учителя геометрии. Поучительно разобранное в книге место Плутарха (*Quaest. conviv.* 5, проем., 675 A), в котором слово «филолог» сочетается со своими противоположностями: *οἱ φορτικοὶ καὶ ἀφιλόλογοι* — «топорные и необразованные», причем сами филологи характеризуются как *ἀστεῖοι καὶ χαριέντες*, т. е. как люди тонкие и обладатели хорошего вкуса. У Плутарха (Жизнеописание Лукулла 42,2) проведена резкая грань, намечавшаяся уже в конце римской республиканской эпохи (у Цицерона), между *φιλόλογοι* и *πολιτικοί*, тогда как у Платона (Законы 641 E) в понятие «филолог» включены все имевшиеся в демократическом полисе возможности устных высказываний. Кух полагает, что начало угасания политического оттенка в понятии «филолог» следует относить уже к концу IV в. до н. э., когда Греция после Херонейской битвы (338 г.) фактически утратила политическую самостоятельность. Во второй половине рассматриваемой главы Кух анализирует свидетельства более поздних греческих авторов (Эпиктета, Артемидора и др.). Заканчивается глава параграфом, озаглавленным «Научное рассмотрение слов *φιλόλογος*, *φιλολογία*, *φιλολογεῖν* в античности». Начало научного подхода к словам комплекса «филолог» относится ко второй половине II в. н. э. Представляет интерес материал, касающийся ударения в греческом слове «филолог». Геродиан Техник (*De prosodia catholica*, p. 233, 24 sq, 24 sq — II в. н. э.) считает слово

«филолог» *πρωτοαχουτοπον*, т. е. имеющим острое ударение на третьем от конца слоге — *φιλόλογος* и при этом указывает, что первая часть слова происходит от *φιλεῖν*. Вероятно, в его время было распространено и ударение *φιλολόγος* (т. е. слово понималось как *πρωαχουτοπον*). Обосновывая свое мнение, Геродиан говорит, что слова *δικαιολόγος*, *φυσιολόγος*, *τερατολόγος* не являются параллелями к слову «филолог», так как в них первая часть обозначает объект глагола *λέγω* («говорящий справедливое», «говорящий о природе», «говорящий о чудесах»). *Φιλολόγος* означало бы человека, который *φιλά λέγει*, говорит нечто дружеское, приятное, а не любителя речи и т. п. Отмечает Кух и то обстоятельство, что аттицисты одобряли употребление слов *φιλόλογος*, *φιλολογία*, но отвергали глагол *φιλολογεῖν* (иногда это делалось молчаливо — так Поллукс).

Античные лексикографы не ограничивались формальным подходом к интересующему нас комплексу. Они ставили и вопрос о значении слов. Существовало два мнения. Для Поллукса (II в. н. э. — *Onomasticon* 4, 10) *φιλολογία* находится в ряду выдающихся качеств человека (*δειξιότης*, *σοφία*, *φιλοσοφία*, *φρόνησις*, *σύνειξις*, *νοῦς*), она означает «образованность» и должна упоминаться вместе с великими идеалами греческой культуры — *ἀνδραγαθία* и *καλοκαγαθία*. Подобно им филология оказывается доблестью, происходящей от знания. Аттицист Фриних, современник Поллукса, часто с ним полемицирующий (впрочем, не называя его), выдвигает и здесь другое толкование слова филолог — *ὁ φίλων λόγους* (p. 483 Rutherford). Многозначность слова *φιλόλογος* не позволяет дать понятию «филолог» в этой интерпретации вполне ясные очертания. Однако у Фриниха имеется здесь же и другое объяснение — *καὶ σπουδάζων περὶ παιδείαν* — «и стремящийся к образованию», «старающийся об образовании». В этом добавлении Кух склонен видеть уступку Фриниха общераспространенному во II в. и принятому Поллуксом пониманию слова «филолог».

В последней, резюмирующей части книги (стр. 122—134) Кух подводит итоги своего труда. Все его исследование приводит его к выводу, что начиная с IV в. до н. э. и кончая II в. н. э. под филологией понимали либо интерес к *λόγοι* или *λόγος* (т. е. занятие ими, деятельность, связанную с ними, склонность и любовь к ним и т. п.), либо законченный результат этого интереса (ученость). Дальше автор набрасывает в главных линиях историю слов «филолог» и «филология» в средние века, которые не внесли ничего оригинального в понимание этих слов. На все Средневековье оказала наибольшее влияние поэма Марциана Капеллы, написанная в первой половине V в. н. э. — *De nuptiis Philologiae et Mercurii*, где жених Меркурий олицетворяет реторику,

а невеста филологию. О последней сказано: *virgo... docta quidem nimis et compar studio*, т. е. она получает характеристику, в которой соединены оба определения, вытекавшие из двух разных пониманий филологии в античное время, — она является ученой (результат занятий) и в то же время отличается склонностью к ученым занятиям.

Только в XVIII в., наконец, складывается в академической практике то понимание филологии, какое является привычным для нас. Когда-то думали, что Фридрих Август Вольф был первым, кто назвал себя *Philologiae studiosus* (8 апреля 1777 г. в Геттингенском университете), но в настоящее время выяснено, что у него был в этом отношении ряд предшественников (первый известный нам случай официального употребления выражения *Philologiae studiosus* относится к 1736 г.).

Таково содержание любопытной и поучительной книги Куха, с которой полезно познакомиться и филологу, и историку. Интерес ее обусловлен рядом ее особенностей: 1) перед нами прекрасный пример собрания текстов, иллюстрирующих историю понимания одного комплекса слов (в античное время еще не ставших терминами); 2) интерпретация собранных текстов отличается трезвостью и убедительностью, благодаря постоянной оглядке на большой контекст избегнута опасность навязывания слову слишком узких окказиональных значений; 3) филологический анализ всегда производится с учетом историко-культурного и историко-литературного фона; 4) исчерпывающий анализ увенчивается доходчивым, легко усваиваемым синтезом.

А. И. Доватур

G. LE RIDER. Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville. Mémoires de la mission archéologique en Irani (Томе XXXVIII), P., 1955, 491 стр. + LXXIV табл.

За время с 1897 г., когда в Сузах начались систематические работы Французской археологической миссии, здесь было найдено немало монет эллинистического и парфянского времени. Однако информация о находках была очень скудной и неполной. Тем большее удовлетворение вызывает книга Ж. Ле Рида, собравшего, обработавшего и издавшего эти монеты.

Работа Ле Рида распадается на две основные части: каталог монет, найденных в Сузах, и исследование истории города на основе этого нового огромного материала. Собственно каталогу (глава III) предшествуют две главы, в которых автор дает общее краткое описание монетной коллекции и излагает свои принятые классификации материала. Всего в ципы классификации материала. Всего в Сузах обнаружена 4871 монета. Часть Сузах хранится в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже, часть — в Археологическом музее в Тегеране. Из общего числа монет 1960 — серебряных (1847 происходят из кладов) и 2911 — бронзовых (384 — из кладов).

Основное место среди находок принадлежит выпускам двух монетных дворов: самих Суз и Селевкии на Тигре. Из серебряных монет в этих двух центрах чеканены 1614 (Сузы — 1577, Селевкия — 37), среди бронзовых — 2800 (Сузы — 1519, Селевкия — 1281). Подобное соотношение безусловно свидетельствует о теснейших экономических взаимоотношениях между Селевкией на Тигре и Сузами. Необходимо, однако, иметь в виду, что если монеты Селевкии на Тигре были

распространены достаточно широко на всем Ближнем Востоке, то монеты Суз встречаются на очень узкой территории, ограниченной районами, непосредственно примыкающими к Сузане. Для найденных в Сузах монет других центров автор отмечает твердую закономерность: чем дальше от Суз место чекана, тем меньше процент происходящих оттуда бронзовых монет.

Ле Риде считает более правильным располагать монеты в каталоге не по правителям, но по монетным дворам (особенно это касается двух основных монетных дворов, монеты которых составляют главную часть коллекции), а внутри каждой группы — в хронологическом порядке, что дает возможность более обзирно представить себе историю того или иного монетного двора.

Во второй главе автор основное внимание уделяет интерпретации дат, представленных на некоторых из селевкидских и парфянских монет. Хотя таких дат сравнительно немного, но именно они дают главную опору для хронологического распределения многочисленных выпусков селевкидских и парфянских монет. Сложность здесь в том, что существовали два метода отсчета: согласно македонскому, селевкидская эра начиналась осенью 312 г. до н. э., согласно вавилонской — весной 311 г. Правильно разобраться в монетных датах важно еще и потому, что и в парфянское время селевкидская эра продолжала широко употребляться. Сопоставляя монеты с эпиграфическими па-

мятникам, Ле Риде приходит к выводу, что на монетах, выпускавшихся как от имени царя, так и от имени различных городских общин, даты в селевкидской эре указывались по македонскому календарю.

Основную часть работы (третья глава) занимает собственно каталог монет, найденных в Сузах. Он открывается монетами, чеканенными местным монетным двором начиная со времени Александра Македонского и до царствования царя Вардапа I (чеканка в Сузах примерно от 39 до 45 г.). Особенно интересны монеты, выпускавшиеся в 31/30 гг. до н. э. от имени *Φρασιέων τῶν ἐν Σοῦσοις* — городской общины сузианцев. Затем следуют монеты монетного двора Селевкии на Тигре. В Сузах они представлены эмиссиями селевкидских и парфянских царей от Селевка I до Вологеза V и автономным чеканом города. Кроме того, в большем или меньшем числе найдены в Сузах монеты, выпускавшиеся в разное время (главным образом при Селевкидах) монетными дворами следующих городов: Спасицу Харакс, Экбатаны, Спринкс (?), Бактры, Нисибин, Арсамосата, Петра, Иерусалим, Ака-Ттолемаида, Тир, Сидон, Арад, Антиохия, Селевкия в Понтии, Ладикейя Приморская, Тарс, Нагид, Аспенд, Перга, Фаселис, Алабаида, Ортозия, Милет, Магнезия на Меандре, Эфес, Колофон, Самос, Сарды, Темнос, Киме, Абидос, Лампсак, Кизик, Киос, Византий, Лисимахия, Афины, Александрия. Дополняет эту главу описание 13 обнаруженных в Сузах кладов.

Глава четвертая озаглавлена «Сузы в эллинистическую эпоху». В ней рассматривается географическое положение Сузианы, ее приблизительные границы, их изменение с течением времени. Наиболее важным представляется вывод Ле Риде об изменении границ на юго-западе от Суз, где в селевкидское время создается новая провинция, позднее превратившаяся в быстро прогрессирующее царство Харакену, отрезавшее Сузиану от моря.

Важен и рассматриваемый в этой главе вопрос о направиении торговых путей. Сузы уже с ахеменидского времени находились на важном пересечении торговых дорог. Наиболее существенно сделанное автором в данной связи наблюдение, что в селевкидское и парфянское время очень оживленной была дорога Селевкия — Сузы и в то же время пришла в упадок дорога Экбатаны — Сузы.

В той же главе исследован и вопрос о царской администрации в Сузах и Сузиане в селевкидское и парфянское время. Отвергая мнения Тарна и Бикермана, полагающих, что в селевкидское время Сузиана находилась в ранге эпархии, Ле Риде вслед за Бенгтсоном считает, что Сузиана при Селевкидах оставалась сатрапией. При парфиях сатрапия Сузиана сохранилась, но административно город

отделился от нее и управление ими осуществлялось раздельно: одним лицом в ранге сатрапа (стратега) для области и другим лицом, видимо, в ранге эпистата — для города.

Очень интересны наблюдения Ле Риде о населении города Суз. Автор отмечает, что к моменту прихода Александра Македонского население города было очень смешанным (эламиты, вавилоняне, семиты, персы, переселенные сюда египтяне). Александр оставил в Сузах в качестве гарнизона некоторое количество македонян. Позднее в связи с основанием Селевкием I полиса под названием *Σελεύκεια ἢ πρὸς τῷ Ἐβλάτῳ* сюда было переселено немало греков (возможно, из Эфеса). В дальнейшем греческое и македонское население, объединенное в гражданский коллектив, составляло привилегированную группу населения, имевшую пожалованные царем клеры и обязанную за это военной службой. До середины I в. н. э. греки и македоняне совершенно не смешивались с местным населением. Во всяком случае, согласно списку всех известных имен из Суз, составленному Ле Риде, имена не показывают скольконбудь значительного числа смешанных по этносу семейств.

Смешение местного и греческого начала более заметно в религиозных воззрениях жителей города. Но здесь также достаточно отчетливо выделяются два периода: селевкидский и парфянский. В селевкидское время, судя по местному бронзовому чекану, предназначенному исключительно для местного обращения, важнейшую роль в официальном пантеоне города играли Артемида и Аполлон; на монетах встречаются также изображения Афины, Диоскуров, Гермеса, Зевса-Аммона. Изображения восточных божеств в монетном чекане города, за одним исключением, полностью отсутствуют. Лишь в царствование Антиоха IV появляется какое-то неидентифицированное божество, но введение его, как удачно показывает Ле Риде, было результатом вмешательства центральных властей, а не инициативой самих жителей города. Надписи, однако, свидетельствуют, что помимо греческих божеств, в Сузах почитались и восточные — Ма и Нанайя. Но надо иметь в виду, что кашпадокийское божество Ма было занесено в Сузы самими греками; Нанайя же в официальный пантеон города не входила, хотя и пользовалась популярностью. Вопреки часто высказывавшемуся мнению, никакой синкретизации образов Артемиды и Нанайи в селевкидское время не было. Таким образом, на протяжении всего селевкидского времени официальный пантеон гражданского коллектива города оставался чисто греческим.

Значительные изменения произошли в парфянское время. Хотя в городе по-прежнему почитались многие греческие боги (Аполлон, Афина, Геракл, Гермес), в офи-